

КУКЛОВОДЫ И МАРИОНЕТКИ

ВОСПОМИНАНИЯ
ПОМОЩНИКА
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КГБ
КРЮЧКОВА

ВАЛЕНТИН
СИДАК

Валентин Антонович Сидак
Кукловоды и марионетки.
Воспоминания помощника
председателя КГБ Крючкова
Серия «Без срока давности...»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41039337

*Кукловоды и марионетки. Воспоминания помощника председателя КГБ
Крючкова / В.А. Сидак: Москва; 2019
ISBN 978-5-907149-24-3*

Аннотация

С 1983 по 1988 года Валентин Сидак был помощником руководителя Первого Главного управления (внешняя разведка) Владимира Крючкова. Когда последний возглавил Лубянку, то автор занял пост начальника Секретариата КГБ. Благодаря своему служебному положению он был свидетелем ключевых моментов и знаковых событий в отечественной истории, о которых знал лишь сильно ограниченный круг лиц. Более того, большинство свидетельств не сохранилось в архивах, т. к. об этом позаботились непосредственно сами начальники и исполнители. Какие события в высших эшелонах советской власти предшествовали распаду СССР? Контролировал ли

Михаил Горбачев ситуацию в стране весной 1991 года или избегал принимать жесткие политические решения? Были ли Горбачева-Яковлева-Шеварднадзе агентами влияния, которые по приказу Запада развалили СССР или они «хотели как лучше, но получилось как всегда»? Масоны в современной России: тусовка для любителей костюмированных вечеринок и таинственных ритуалов или реальная политическая сила? Впервые Валентин Сидак ответил на эти и другие вопросы.

Содержание

Суд памяти	5
Предисловие	19
Узелок первый	54
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Валентин Сидак

Кукловоды и марионетки.

Воспоминания

помощника председателя

КГБ Крючкова

Суд памяти

«Узелки на память»¹. Звучит непритязательно. И в этом нет ни грана позёрства Валентина Антоновича Сидака. Мне посчастливилось его знать уже более четверти века, поэтому могу подтвердить: человек действительно скромный, никогда себя не выпячивающий. Каким было наше знакомство, я даже не помню. Знаю только, что к нему причастны два близких мне человека: Валентин Александрович Купцов и Андрей Петрович Филиппов. Их уважительные слова о Сидаке (а это уже знак качества человеку) действительно запомнились сразу.

Валентин Александрович Купцов в те годы работал первым заместителем председателя ЦК КПРФ, а потом ещё и

¹ Авторский вариант названия данной книги, – Прим. ред.

заместителем председателя Государственной Думы. Обычно слегка ироничный, он о Валентине Антоновиче говорил серьёзно, подчёркивая прежде всего его аналитический дар. Заведующий международным отделом ЦК КПРФ А. П. Филиппов (он создавал этот отдел и возглавлял его до последнего дня своей жизни) при всей своей подвижности, эмоциональности, человеческой неуклюжести о Валентине Сидаке тоже говорил всегда серьёзно, и тоже подчёркивал его исключительные аналитические способности. Так, часто общаясь на территории фракции КПРФ Госдумы, мы постепенно сближались друг с другом, хотя я долгое время толком ничего не знал о его прежней, «советской» жизни.

Наши отношения приобрели деловой характер в пору одной из очередных вспышек политических спекуляций вокруг «секретных протоколов» к пакту Молотова – Риббентропа. Во время одного из разговоров в кабинете А. П. Филиппова какие-то фразы В. А. Сидака на эту тему меня особенно «зацепили». «Может быть, нам сделать интервью для «Правды»? – не очень настойчиво обратился я к собеседнику. В ответ услышал уверенное согласие.

Было приятно «расшифровывать» потом запись далеко не короткой беседы. Но сегодня для меня важно подчеркнуть даже не её содержание, а то, как относился к ней Валентин Антонович. Он был очень внимателен и строг к каждому сказанному слову. В целом правка получилась небольшой и касалась в основном малосущественных деталей. Но подправ-

ленные им частности делали весь материал не только точнее, но и гораздо весомее. Кстати, тогда и узнал последнюю должность В. А. Сидака в Комитете государственной безопасности СССР. На вопрос, как его представить в газете, Валентин Антонович сказал: «бывший начальник секретариата КГБ СССР». Видно, на моём лице промелькнуло недоумение, а он пояснял: «Секретариат» в КГБ – это некое подобие Генерального штаба в Вооружённых Силах. Мощная структура, имевшая свои собственные внутренние подразделения. Одна «Дежурная служба КГБ СССР» чего стоит. В Министерстве обороны Ответственный дежурный – генерал-полковник, а я своим четырём Оперативным дежурным КГБ СССР даже «вилочную» должность «полковника-генерал-майора» так и не смог пробить, несмотря на все старания. А ведь каждый из них мог объявить «боевую тревогу» по всем территориальным органам и войскам КГБ СССР. Не зря ведь один из руководителей Дежурной службы КГБ СССР сразу «сел в кресло» Председателя одного из крупнейших республиканских управлений КГБ. А тут ещё и «Особая папка» со своим собственным участком шифровальной службы 8-го Главка, группа Коллегии, которая готовила все заседания высшего оперативного состава Комитета, своя собственная группа фельдсвязи, мощная юридическая служба и многое другое».

Общие очертания этой структуры, нарисованные собеседником, впечатляли, хотя он постоянно подчёркивал их компактность.

В общем, первый блин нашей совместной выпечки вообще не был комом. Потом к этой теме мы возвращались ещё несколько раз. Примечательно, что после каждого такого возвращения обязательно появлялся рассказ о новых очень важных особенностях событий 1939 года, которые обогащали не только «массового читателя», но и профессиональных историков. Мне кажется, вернись мы сейчас к теме «секретных протоколов», Валентин Антонович снова нашёл бы новые, неосвещённые пока аспекты проблемы, которые наверняка внесли бы элемент новизны в уже достаточно «избитую» тему. И ещё одна важная деталь: по большому счёту моё участие в создании этих публикаций было весьма скромным: Валентин Антонович самостоятельно и неплохо владеет пером. Но он всегда настаивал именно на беседах, напоминая журналистскую «истину»: подобные материалы читаются с гораздо большим интересом, чем монологи. Я и сейчас с уважением отношусь к этому сотрудничеству, и готов его продолжать и далее.

Потом была ещё одна наша совместная работа, о которой не могу не сказать. В номере «Правды» за 2–5 сентября 2016 года вышла наша беседа «Этот противоречивый ГКЧП». Она была приурочена к 25-летию трагических событий августа 1991 года. С Валентином Антоновичем к тому времени у нас сложились добрые человеческие и доверительные творческие отношения. Но на этот раз Валентин Сидак меня поразил: он рассказывал о том, чего раньше при нашем обще-

нии просто не касался.

Валентин Антонович доставал из кладовой своей памяти такие факты, которые производили весьма сильное впечатление. А ведь в теме ГКЧП я не был приготовишкой: было прочитано немало книг, не говоря о публикациях, вышедших в газете «Правда»; на эту горячую тему я брал пространные интервью у Г. И. Янаева и А. И. Лукьянова...

Признаюсь: эти события до сих пор сидят занозой в сердце и душе: до сих пор считаю каждого члена КПСС ответственным за сдачу классовому супостату завоеваний социализма и Советской власти. А мой партстаж к августу 1991 года был уже более четверти века.

Наша беседа с В. А. Сидаком о ГКЧП продолжалась несколько часов и проходила не в один присест. До сих пор благодарен судьбе, что, хотя бы частично, оказался сопричастен к появлению этой публикации. Чтобы подтвердить, насколько она политически и исторически значима, приведу некоторые её фрагменты, которые, думается, и сегодня ещё не стали устоявшимися фактами общественного сознания.

Первый фрагмент связан с возможностью своевременного проведения, 23 или даже 22 августа 1991 года, экстренного заседания Верховного Совета СССР. Валентин Антонович в беседе настаивал, что «у Верховного Совета СССР и в августе, сентябре, октябре и даже после Беловежского сговора были и право, и обязанность действовать в качестве единственного конституционного органа власти Союзного госу-

дарства».

Мне такая постановка вопроса показалась абстрактной, и я возразил: «Давайте сегодня в отношении парламента-самоубийцы поступим по пословице: о мёртвом либо хорошо, либо ничего. К тому же в горячие дни он не участвовал в решении судеб великой страны».

И вдруг в ответ услышал:

«— У А. И. Лукьянова, что бы он ни говорил сейчас, была полнейшая возможность даже при строжайшем, самом скрупулёзном соблюдении всех регламентных норм открыть экстренное заседание Верховного Совета СССР не 26, а 23 или даже 22 августа 1991 года. Были абсолютно надёжные гарантии обеспечения необходимого кворума для открытия такого заседания и начала его работы.

— Валентин Антонович, это каким таким чудесным способом Анатолий Иванович мог собрать депутатов с просторов необъятной державы?

— Его дело было принять решение о немедленном созыве внеочередной сессии по требованию народных депутатов группы «Союз» и обнародовать его. А как собрать депутатов — это была бы забота уже не Председателя Верховного Совета СССР.

— ?

— За основу организационного решения проблемы сбора депутатов был принят уже обкатанный к тому времени механизм чрезвычайного сбора членов ЦК КПСС. Предпола-

галось собрать в Кремле максимально возможное число депутатов действующего состава Верховного Совета СССР, используя для этого любые виды транспорта. Они были бы экстренно доставлены в столицу из любых мест пребывания – хоть из глубинки страны, хоть из-за рубежа. Ради этого не посчитались бы с величиной затрат. При необходимости задействовали бы транспортные средства всех силовых структур: министерств обороны и внутренних дел и КГБ СССР. Практическая готовность к осуществлению такого сбора депутатов к августу 1991 года была очень высокой.

– Из ваших слов выходит, что вопрос об обеспечении кворума Верховного Совета СССР обсуждался и был предпринят?

– Именно так. Но требовалось решение Лукьянова. А он не захотел. Видно, тоже носом стал крутить в разные стороны на всякий случай, соломку для страховки стелить... Не зря в информационной записке КГБ СССР от 20 июня 1991 года, которая была составлена непосредственно по итогам закрытого заседания Верховного Совета СССР (его конкретные результаты явные и скрытые горбачёвцы, в том числе и Лукьянов, успешно «замотали», пустив депутатский пар в свисток), отмечалось следующее: «В окружении Буша также расценили действия Лукьянова во время его визита в Лондон как первую серьёзную попытку начать возможную работу по замене Горбачёва. Они считают, что Лукьянов во время переговоров в Лондоне пытался «показать себя Западу

как возможный преемник Горбачёва».

В ходе беседы, чуть позже, В. А. Сидак так обобщил своё видение поведения тех, кому народ доверял руководство Советским государством:

«— Если бы руководители страны – как вошедшие, так и не вошедшие в состав ГКЧП, – действительно выполняли свои государственные и партийные обязанности не по кривому сценарию Горби, с потрохами сдавшего СССР во время своей конфиденциальной встречи с госсекретарём США Дж. Бейкером в конце июня 1991 года, а по своему прямому служебному долгу, по зову своей гражданской и партийной совести, а военные – в строгом соответствии с принятой на себя воинской присягой, результат был бы совсем другим».

Правда, после этой оценки беседа естественно перешла к «главным ролям и их исполнителям»:

«— Ну вот мы и подошли к главным действующим лицам ГКЧП.

– На начальном этапе перестройки все выдвиженцы того периода – Лукьянов и Рыжков, Янаев и Шенин, Крючков и Бакланов, Лигачёв и Болдин – были членами единой горбачёвской команды. В её состав на тех же основаниях входили Яковлев, Шеварднадзе, Ельцин, Медведев и другие. Это уже потом их пути разошлись, а до XIX партконференции принципиальных различий во взглядах между ними особо не наблюдалось.

– Крючков и Яковлев одинаково убеждённые соратники

Горбачёва?

– Конечно. Да что там Крючков и Яковлев...

Что бы сегодня ни говорили сугубо позитивного о Ю. В. Андропове и столь же негативного о А. Н. Яковлеве, могу с уверенностью утверждать одно, о чём ведаю не понаслышке: инициатива возвращения Яковлева из «ссылки» в Канаду (в 1973–1983 годах он был послом СССР в Канаде. – *В.Т.*) принадлежала лично Андропову, а не кому-то иному из руководителей СССР. Даже если за него действительно «замолвил словечко» тогдашний секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачёв после своего визита в Канаду, всё равно окончательное решение было за Андроповым. И сия благая весть дошла до канадского «отшельника» не от кого-либо другого, а именно от В. А. Крюčkова, его будущего злейшего врага. Работники разведки, которым я привык доверять «на все сто», в цвете описывали мне эту впечатляющую картину: Яковлев, несмотря на свою хромую ногу, в своём посольском кабинете в Оттаве пустился в пляс, получив радостное известие о предстоящем возвращении в Москву «по эстафете» с нарочным из Ясенева...

Другой эпизод. Достоверно знаю (всё это происходило на моих глазах), что А. Н. Яковлев был первым из состава Политбюро ЦК КПСС, кто поздравил В. А. Крюčkова с назначением на пост председателя КГБ СССР. И телефонный разговор двух собеседников носил дружеский, я бы даже сказал, доверительный характер. Чёрная кошка пробежит меж-

ду ними где-то поближе к концу 1989 года, и причины тому были не только идеологического свойства... Потому утверждение В. А. Крюčkова, датированное 2003 годом: «Андропов прямо мне говорил: «Яковлев – антисоветчик», – представляется мне сомнительным...

Скажу больше: где-то до середины 1989 года Горбачёв советовался с Крючковым едва ли меньше, чем с Яковлевым. А объясняется это просто: Горбачёв, будучи выдвиженцем Андропова, опирался на другого его выдвиженца – Крюčkова. И, скажем так, Владимир Александрович поначалу очень добросовестно работал на Горбачёва».

Обращение к содержанию этой беседы мне представляется очень важным во многих отношениях. Во-первых, оно характеризует высокую осведомлѐнность автора книги в вопросах, которые он берѐтся обсуждать. Во-вторых, завязывая узелок, он не способен уподобиться пресловутому Кузнечик у из сказки Корнея Чуковского. Помните? «А Кузнечик, а Кузнечик, ну совсем как человек: скок-скок, под мосток, и – молчок». Неспособен Сидак прятаться под мосток потому, что он – не человек, а ЧЕЛОВЕК. В-третьих, та беседа наглядно показывает, как у Валентина Антоновича накапливались «узелки на память» – из жизни, из её придиричьего осмысления.

А само название это – «Узелки на память» – в действительности не так уж неприятно. Не только в литературе, но и в жизни «узелки на память» завязываются, чтобы

события не ушли в забвение, чтобы они всё время оставались в поле зрения. Читателей. Общества.

Тут вспоминается яркое, большое художественное полотно поэта-фронтовика Егора Исаева «Суд памяти». Получается, что узелки на память завязываются в двух случаях. Во-первых, чтобы стать свидетелями на суде памяти. Во-вторых, чтобы их содержимому оказаться на том суде подсудимым.

Нет, В. А. Сидак нигде не набрасывает на себя судейскую мантию. Он – «только» следователь. Правда, следователь, не столько коллекционирующий факты и фактики, сколько их исследующий. Нет, он не судья, но исследователь процессов, нуждающихся в судебном вердикте. Следовательно, содержимое узелков – это всегда материал для суда. Пусть не для Нюрнбергского трибунала, но всегда – для суда памяти. Памяти общественной. Народной.

Масштаб содержимого «узелков памяти», образующих эту книгу, конечно, не одинаков. Но в то же время автор совсем не роется в хронологической пыли бытописания Земли. Следовательно, материал каждого узелка имеет право называться историческим. Он предназначен для суда исторической памяти.

Возьмём наугад несколько «узелков» (я не рискую судить о каждом из них с одинаковой долей уверенности, что мои идеологические позиции полностью совпадут с авторскими), их сближает масштабность событий, о которых идёт речь. Вот экзотические, даже с криминальным привкусом, собы-

тия из истории отечественного телевидения рубежа 1980–1990 годов. Сколько выразительных, сногсшибательных эпизодов! Но за россыпью фактов ёмкая демонстрация того долгосрочного, исторического масштаба, явления, которое называется «оккупация общественного сознания». Это даже не общероссийское, а глобальное явление: расстановка классовых сил в разных странах порой заметно отличается, но при этом всюду в телевидении, радио и прессе правят бал представители антинародной по своей сути идеологии.

Предложенная В.А. Сидаком «линейка» узелков находится одновременно на нескольких уровнях. Причина очевидна: сам исследующий события автор – личность многоуровневая. Помните у Маяковского: «Я – поэт. Тем и интересен, о том и пишу»? Например, читателю, который впервые увидит эту книгу, её автор, в первую очередь, будет интересен тем, что он был помощником председателя КГБ СССР В. А. Крючкова. А потому – даёшь секреты Лубянки! В. Сидак в принципе вполне удовлетворяет эту читательскую потребность. Но для меня Валентин Антонович примечателен и интересен как личность «следующего уровня»: как исследователь-историк. Одна из самых материализованных областей исторической науки – археология. В ней среди многих профессиональных правил есть два вроде бы лежащих на поверхности, но непреложных. Во-первых, каждый очередной слой вскрывается на определённом, научно обоснованном расстоянии от предыдущего. Расширил археолог его произ-

вольно – и в результатах его работы появилась возможность усомниться. Во-вторых, обнаруженные артефакты требуют к себе очень вежливого отношения, «нежной щёточки». Мои наблюдения за работой В. А. Сидака с полученными из аналогов КГБ СССР материалами вызывали всё время в памяти образ добросовестного археолога.

И ещё я хотел бы отметить третий уровень автора «узелков»: он старательно разделяет и в то же время не забывает соединить два исторических времени. В. А. Сидак практически не страдает распространённым грехом современных аналитиков: рассматривать события «времён очаковских и покоренья Крыма» с сантиметром сегодняшних представлений о жизни. Он пытается смотреть на них взглядом человека того поколения, которое совершало описываемые им события, явления и процессы. Иначе говоря, он, как правило, сознательно разводит сегодняшнее мировидение от того, которое порождали былые времена и проблемы и которое, возможно, уже кануло в Лету.

Но при всем при этом, В. А. Сидак – глубоко современный человек. Страдающий от заноз, вонзившихся не только вчера, но уже и сегодня. Его «Узелки на память» предназначены человеку, обдумывающему сегодняшнюю жизнь. Они годны и для сегодняшнего суда памяти.

Более того, сегодняшний вдумчивый читатель, развязав некоторые «узелки», осмыслив их содержимое, возможно, завяжет их снова в том виде, в каком это сделал Валентин

Антонович. Во многих случаях история ещё не расставила свои акценты, чтобы выносить столь взрывной материал на суд памяти. Эти узелки надо обязательно сохранить для грядущих поколений.

И ещё. Будучи по своему характеру и по своей профессии неисправимым полемистом, я, тем не менее, отказался от оспаривания каких-либо моментов в «Узелках на память». Во-первых, потому, что хотел бы представить читателю не рецензию на книгу, а дать своеобразное представление автора читателям. Во-вторых, мне хотелось хотя бы в нескольких словах рассказать читателю, чем же интересен мой товарищ, написавший незаурядную книгу. Ну, а в-третьих, пусть читатель сам споткнётся на некоторых политических и идеологических буреломах и впадинах. Тогда он серьёзнее будет к ним относиться и в дискуссиях со своими товарищами, и в суровом противостоянии с классовыми противниками.

*Виктор Трушков,
политический обозреватель «Правды»,
доктор философских наук, профессор.*

Предисловие

После почти 20-летнего перерыва попробую сделать очередную попытку заново осмыслить те события в истории страны, к которым в разные периоды своей жизни был в той или иной мере причастен. Иногда самым непосредственным образом, порою – косвенно. Но более всего через регулярное, ставшее на протяжении почти восьми лет привычно-изнурительным занятие – ежедневное прочтение, осмысление, реферирование и подготовку на доклад огромного массива самой разнообразной информации, поступавшей, в том числе и через мои руки, на доклад В. А. Крючкову – начальнику советской внешней разведки и впоследствии Председателю Комитета государственной безопасности СССР.

Мои первые литературные или, скорее, публицистические изыскания сводились главным образом к вполне рациональному действию – я пытался сохранить на бумаге в той мере, насколько на это способна человеческая память, описание ключевых моментов и отдельных знаковых событий отечественной истории, о которых в пору моей работы вначале в разведке, а затем в Секретариате КГБ СССР знал достаточно ограниченный круг лиц.

Ограничение числа посвященных зачастую происходило не столько в силу пресловутой «секретности» информационных сведений, сколько по причине щекотливости самого

предмета повествования. В своей служебной практике того периода я мог бы припомнить немалое количество эпизодов, когда важнейшие аспекты жизнедеятельности Советского государства излагались на одной— двух страницах машинописного текста, не имевших ни грифа секретности, ни адресата, ни каких-либо выходных данных исполнителей документа...

Как-то само собой, подспудно родилась идея изложения материала для книги, и появилось ее название – «Узелки на память». Это было некое подобие зарисовок на «вольную тему», еще никоим образом не систематизированный перечень любопытных фактов и свидетельств. Однако именно они, на мой взгляд, могли бы придать большую объемность и выпуклость уже неоднократно описанным к тому времени в прессе событиям и были бы способны поменять, в ряде случаев, знак их оценки обществом на прямо противоположный.

Как ни печально, но где-то растерялась за прошедшие два десятилетия значительная часть этих самых «узелков», и где – одному Господу теперь известно. Надо спасать хотя бы остатки того, что еще удержалось в памяти, решил я хмурым сентябрьским утром печально памятного своей мерзкой погодой и многочисленными природными катаклизмами 2013 года и вновь решительно засел за компьютер.

Припоминаю события двадцатилетней давности, когда общество вплотную приблизилось к опасной черте перехода от раскола и политической конфронтации к открытым фор-

мам силового противостояния, к фазе вооруженного противостояния.

«Быть большой беде», — подумалось мне 3 октября 1993 года, когда в расположенном напротив моего дома здании ОАО «Моспромстроя» поздно вечером вдруг зажегся свет в окнах руководящих кабинетов, а на непривычно обезлюдившей улице в самом центре столицы группа каких-то людей из этого строительного холдинга вначале разожгла прямо на асфальте проезжей части улицы костер (ну совсем как балтийские матросы в канонических фильмах советского периода о событиях Октября 1917 года в Петрограде), а затем стала лично и по радиации (мобильники были тогда еще большой редкостью) отдавать приказы водителям бетономешалок, поливочных машин и другой крупногабаритной автотехники, которая по-военному четко и слаженно подъезжала к зданию управления в режиме «non-stop» и убывала неизвестно куда. Наверно, укреплять инженерные заграждения у Белого дома, не иначе. А может быть, и строить такие же укрепления у здания московской мэрии, кто его знает. Напоминать, надеюсь, не надо, кто тогда курировал строительный комплекс в Москве и от кого, судя по всему, шли руководящие команды такого рода?

Это чувство нарастающей тревоги еще более усилилось в погожее, почти по— летнему ясное и теплое утро 4 октября 1993 года, когда в небе Москвы стали кружить военные вертолеты, которые после Афганистана не только вся пишущая

братия представителей «четвертой власти», но и значительная часть населения страны стала как-то буднично и приземленно именовать «вертушками». Как будто бы речь шла не о грозных боевых машинах, способных эффективно разобратся с самой современной бронетехникой, а о сборных летательных аппаратах из набора юного авиаконструктора. Когда я увидел заход группы вертолетов из центра Москвы в сторону Краснопресненской набережной, подумал: «Ну, все, сейчас начнут обстреливать ракетами здание Верховного Совета». Ошибся, однако.

Через несколько часов здание на Краснопресненской набережной было так себе простенько и так себе буднично расстреляно из танков на глазах у любопытствующей толпы зевак и под пристальным взором телекамер американской компании CNN, весьма оперативно снявшей для съемок чью-то квартиру на Кутузовском проспекте.

Хотя, скорее всего, американцам это и не понадобилось. Ведь весь этот квартал хорошо известен и спецслужбам, и простым жителям столицы как место проживания многочисленных сотрудников дипломатических миссий и иных иностранных представительств в Москве. Наверно, какой-то шустрый иностранец неплохо заработал в те дни от временной сдачи внаем своего жилища телевизионщикам.

У меня, как и у любого гражданина России, имеется своя собственная, личностная оценка событий, которые начали стремительно разворачиваться после принятия Б. Н. Ель-

циным недоброй памяти президентского указа № 1400, открывшего путь к началу силового противостояния двух ветвей власти.

В отличие от большинства своих коллег по работе в Государственной Думе Федерального Собрания РФ, я никогда не считал и по-прежнему не считаю сидельцев «Белого дома» в октябре 1993 года «последними защитниками советской власти в нашей стране». Хотя бы по той простой причине, что советская власть прекратила свое существование не в сентябре-октябре 1993 года и даже не в декабре 1991 года после подписания Беловежских соглашений, а тотчас же после известных августовских событий 1991 года, которые сегодня по умолчанию принято величать «путчем».

Как говорят в подобных случаях на одесском Привозе, «я, конечно, дико вами извиняюсь», но считать откровенного слона в посудной лавке В. В. Бакатина «последним руководителем КГБ СССР», равно как и его идейного собрата Е. М. Примакова – «последним руководителем советской внешней разведки», у меня язык никогда не повернется в силу целого ряда веских причин и известных мне обстоятельств. Они оба, на мой взгляд, являются родоначальниками новой формации государственных деятелей постсоветского периода, как, впрочем, и рожденная, в том числе благодаря их активным стараниям, многочисленная толпа спецслужбистских и правоохранительных «генералов ельцинского разлива». Вся логика их «государственного мышления»

сводилась по своей глубине и направленности к смыслу вопроса, заданному мне 24 августа 1991 года В. В. Бакатиным: «Мне служить будешь?»

Да, уважаемый внук В. Молотова и П. Жемчужиной, получивший в те сумбурные дни конца августа 1991 года от насмерть перепуганных комитетских кадровиков денежный оклад помощника В. В. Бакатина выше, чем у самого Председателя КГБ СССР, – именно так и ковалась вся дальнейшая карьера когорты вам подобных деятелей будущей «Великой России» эпохи Б. Ельцина и В. Путина. Впрочем, г-н Вячеслав Никонов, известный российский политолог (политиком, увы, назвать не могу, несмотря на его изрядный номенклатурный пост в нынешнем составе Государственной Думы), настоящий «self-made man», инициативно пришедший служить лично В. В. Бакатину в период, когда тот еще не очухался от своего позора после пребывания на посту руководителя МВД и лишь собирался в перспективе стать Председателем Верховного Совета РСФСР, членом Президентского Совета или кем-то там еще, гораздо лучше меня осведомлен о царящих в верхних эшелонах власти нынешней, современной России нравах, порядках и повадках. Где очень и очень многие служат, увы, именно кому-то персонально, а не государству как институции...

По моей сугубо частной оценке, именно Верховный Совет РСФСР во главе с Р. Хазбулатовым вкупе с вице-президентом России А. Руцким, быстро переметнувшимися на сторо-

ну Ельцина И. Силаевым, Е. Шапошниковым, П. Грачевым, А. Лебедем и им подобными, открыто предавшими социалистическую Родину историческими персонажами и стали той самой последней «соломинкой», которая переломила хребет не только «коммунистическому верблюду», но и всей существовавшей в тот период системе государственной власти в СССР.

Именно российские депутаты того периода все вкупе и каждый поодиночке, при этом совершенно не важно – желали они того или нет, стали (за очень редким, вполне хватит пальцев рук, исключением) истинными могильщиками советской власти в стремительно разваливающемся Советском Союзе. Да, могильщиками, а отнюдь не ее защитниками, хотя формально и назывались депутатами одного из республиканских Советов. Разве каждый отдельно взятый депутат ВС РСФСР образца 1991 года стал чем-то отличаться от аналогичного по статусу российского политика в 1993 году? Никаких перевыборов, как известно, в этот промежуток времени не было.

И уж совсем точно они не были полномочными представителями и выразителями воли российского народа, проголосовавшего в своем большинстве на референдуме в марте 1991 года за сохранение Союза ССР. Нечего при этом кивать в сторону Прибалтики, Украины, Грузии, Молдавии, Армении и других бывших союзных республик. Россия всегда являлась стеновым хребтом союзного государства, его стерж-

нем. Вынули этот стержень – рассыпалась вся держава, иначе и быть не могло.

Безусловно, лично в моих глазах основная тяжесть исторической и правовой ответственности за трагический поворот августовских событий 1991 года лежит прежде всего на той кучке людей, которые своим двуличием, лицемерием и трусостью навечно покрыли позором высокое звание «народный депутат СССР». А если говорить еще определеннее – на членах Верховного Совета СССР, возглавлявшегося тогда А. И. Лукьяновым, Е. М. Примаковым и Р. Н. Нишановым, которые в большинстве своем повели себя скорее как шkodливые коты перед наказанием со стороны сурового хозяина, чем как единственный легитимный высший орган власти погибающей на глазах у всех жителей планеты страны, Конституцию которой никто не отменял, да и не мог отменить после мартовского референдума за сохранение Союза ССР.

Не надо только было елозить задницей по скамейке и стучать лысиной по паркету, выдумывать какие-то мудреные юридические формулировки типа «сохранение СССР как обновленного союза суверенных государств, в котором будут в полной мере обеспечены права и свободы человека и гражданина». Прямо-таки ритуальные масонские формулы времен Дантона и Робеспьера, а не простая, понятная любому гражданину, любому жителю самого глухого села в самом отдаленном регионе страны альтернатива: «Да!» или «Нет!», «Быть» или «Не быть» далее Советскому Союзу... Но это

уже отдельная тема для углубленного разговора, который, может быть, я еще когда-нибудь и начну на страницах книги или в журнальной публикации.

О повседневной деятельности Верховного Совета СССР, его комитетов и комиссий, о неблагоприятных поступках отдельных наиболее заметных его представителей, о царившем в этом органе духе двоедушия и лицемерия и прочих любопытных частностях много чего интересного можно поведать читателям, интересующимся событиями новейшей истории. Я вскользь упомяну об этом, когда стану излагать историю оглашения на закрытом заседании Верховного Совета СССР ведомственного документа за подписью Ю. В. Андропова о пресловутых «агентах влияния».

Да и в последующие годы группа самозваных шарлатанов с депутатскими значками, сплотившаяся вокруг небезызвестной Сажи Умалатовой и ставшая бойко торговать наградами, воинскими и специальными званиями несуществующего более Союза ССР, тоже славы и доблести высшему органу советской власти не добавила. Получать из рук откровенных прохиндеев генеральские звезды – это, по моему разумению, просто-напросто бесчестие. Надеюсь, я высказался достаточно определенно, г-н Величко и подобные вам не в меру амбициозные бывшие военнослужащие КГБ и Вооруженных Сил СССР? Все не терпелось тщеславному люду генеральские лампасы на кальсоны нашить да купленные на Арбате ордена с помощью чеченской пассионарии на грудь

повесить. А еще и значок «Академии безопасности и правопорядка» – практически точный аналог депутатского знака Государственной Думы – на обвешанный новодельными «наградами» современной России свежесшитый генеральский мундир нацепить. Позор, да и только. Ну чем такие люди, по большому счету, отличаются от того откровенного прохиндея с чекистскими знаками отличия на груди, который приперся, ни много, ни мало, в мундире Маршала Советского Союза (!) на трибуну Красной площади в день 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне? Да еще при этом нагло разъяснял изумленным согражданам, что ему, дескать, лично Л. П. Берия это звание присвоил каким-то «закрытым указом» за какие-то «особые заслуги»...

На мой взгляд, КГБ СССР как орган защиты безопасности Советского государства погубило избыточное, в чем-то даже намеренно показное законопослушание и очевидная несамостоятельность в своих действиях из-за постоянно навязываемой с 1957 года линии ЦК КПСС на преобладание главенствующей роли партийных установок в сравнении с буквой и духом норм действующего законодательства.

Бог ты мой, сколько сил и энергии угробили впустую в масштабах целого ведомства на создание двух никчемных, как показали последующие события, документов – законопроектов о КГБ СССР и о системе органов государственной безопасности в СССР! Двенадцать раз рассматривали эти законопроекты – вначале при В. М. Чебрикове, а затем и при

В. А. Крючковые – на заседаниях Коллегии и на совещаниях руководства КГБ СССР! Куча сотрудников отнюдь не оперативного звена выковала себе на них известные ныне фамилии и высокие воинские звания, получили за вылизывание каждой запятой в текстах этих бумажонок самые высокие ведомственные награды. А реального проку-то от этих принятых в мае 1991 года законов много стало в решающий момент бытия СССР – когда государство уже стояло на краю пропасти, находилось накануне дня своей гибели?

Кстати, и само название ГКЧП – Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР – родилось не на пустом месте, а прямо проистекало из особенностей советского законодательства того периода, оно отражало именно это избыточное стремление к законопослушанию руководства вооруженных сил, органов безопасности и правоохранительных органов страны. Ведь существовали всего лишь две правовые возможности введения чрезвычайного положения на отдельных территориях страны – либо через Указ Президента СССР, либо через решение Верховного Совета СССР.

Еще в конце марта – начале апреля 1991 года, в период подготовки зарубежной поездки М. С. Горбачева в Японию и Южную Корею (президент, как всегда, предпочитал оставаться в тени решающих событий, точнее за кулисами театра драмы и трагедии в привычной для него роли кукловода), готовилось введение в действие «первого варианта ГКЧП».

Он создавался на основе предложений А. И. Тизякова, который и был истинным автором этой аббревиатуры, хотя в подготовленной им аналитической записке даже речи о создании «чрезвычайного комитета» тогда не шло, подразумевалось лишь формирование какой-то невнятной «комиссии». Тогда же был отработан и организационный алгоритм правового, законодательного обеспечения этого решения, который, к сожалению, так и не был приведен в действие.

Кстати, никаких «печатей ГКЧП», вопреки утверждениям некоторых «взад-впередсмотрящих», в тот период не изготавливалось. То, что российские зрители позднее лицезрели на телевидении в заставке передачи Политковского или Млечина (кажется, «Особая папка»), было августовским творением умельцев из ЦНИИСТ ОТУ КГБ СССР – была такая хитрая научно-исследовательская контора в структуре центрального аппарата, там при необходимости могли очень оперативно изготовить все, что требовалось для дела...

За основу организационного решения был принят уже обкатанный к тому времени механизм чрезвычайного сбора членов Пленума ЦК КПСС. Предполагалось собрать в Кремле максимально возможное количество депутатов действующего состава Верховного Совета СССР, используя для этого любые виды транспорта с целью их экстренной доставки из любых мест пребывания – хоть из глубинки страны, хоть из-за рубежа. Любыми усилиями, не считаясь с величиной затрат, с активным задействованием, при необходимости, са-

мых различных транспортных средств всех силовых структур – МО, МВД и КГБ СССР. Практическая готовность к осуществлению такого сбора депутатов к августу 1991 года была очень высокой.

Так что у А. И. Лукьянова, что бы он ни говорил сейчас, была полнейшая возможность, даже при строжайшем, самом скрупулезном соблюдении всех регламентных норм, открыть экстренное заседание Верховного Совета СССР не 26 августа, а 23 или даже 22 августа 1991 года. Существовали и абсолютно надежные гарантии обеспечения необходимого кворума для открытия такого заседания и начала его работы. Каким образом это достигалось – было бы уже не заботой Председателя Президиума ВС СССР, за ним оставалось лишь само решение о немедленном созыве внеочередной сессии по требованию народных депутатов группы «Союз». Не захотел, однако, тоже носом стал крутить в разные стороны на всякий случай, соломку для страховки стелить...

Не зря в информационной записке КГБ СССР от 20 июня 1991 года, т. е. составленной непосредственно по итогам закрытого заседания Верховного Совета СССР (конкретные результаты которого явные и скрытые прогорбачевцы, в том числе и Лукьянов, успешно «замотали», пустив депутатский пар в свисток), отмечалось следующее: «В окружении Буша также расценили действия Лукьянова во время его визита в Лондон как первую серьезную попытку начать возможную работу по замене М. С. Горбачева. Они считают, что Лукья-

нов во время переговоров в Лондоне пытался “показать себя Западу как возможный преемник Горбачева”»².

Я сидел в кремлевском зале во время закрытого заседания Верховного Совета СССР, на котором выступили В. П. Павлов, В. А. Крючков и Б. К. Пуго. Находился то непосредственно позади В. А. Крючкова, то рядом с ним и поэтому имел возможность видеть и слышать не только то, что творится на трибуне или в зале заседаний, но и оценивать общую атмосферу этого важного события. Не один десяток депутатов Верховного Совета подсел тогда к В. А. Крючкову и выразил в той или иной форме поддержку мыслям, прозвучавшим в его выступлении. Среди них, кстати, были даже отдельные его недруги или, скажем так, недоброжелатели. Но основной тезис в высказываниях всех этих депутатов был, по сути, единым: настала пора уже что-то делать на деле, словоблудие и увертливость Горбачева встали всем поперек горла.

Так уж получилось, что именно мне довелось срочно готовить доклад, точнее текст выступления В. А. Крючкова на закрытом заседании Верховного Совета СССР, – все другие товарищи, готовившие вместе со мной с января 1991 года аналитические наработки, скажем условно – «по тематике ГКЧП», были заняты на выполнении иных, не менее срочных и ответственных задач.

Одни из них, в частности А. Г. Сидоренко, были задей-

² Зенькович Н. ЦК закрыт, все ушли... Очень личная книга. М.: Олма-пресс, 1999. С. 569.

ствованы на выборах Президента РСФСР в поддержку кандидатуры Н. И. Рыжкова, активно работали в его предвыборном штабе. Другие, как например, Н. С. Леонов, формировали общественное мнение в самых различных слоях трудового населения страны, способствовали их мобилизации в поддержку усилий КГБ в деле защите национальной экономики от постоянно растущих преступных посягательств со стороны нарождающегося частного капитала в лице т. н. кооператоров и со стороны отчетливо учуявшей запах наживы части правящего советского директората. У В. И. Жижина, возвратившегося к тому времени на работу в разведку, тоже вполне хватало своих забот в связи с событиями, развернувшимися вокруг скандально известной фигуры народного депутата СССР, бывшего начальника Управления внешней контрразведки ПГУ КГБ СССР и лучшего друга-приятеля А. Н. Яковлева Олега Калугина.

Вот что говорил В. А. Крючков депутатам Верховного Совета Союза ССР в своем выступлении на закрытом заседании советского парламента 17 июня 1991 года:

«Трудно давать всеобъемлющую оценку нынешней обстановке в стране, но реальность такова, что наше Отечество находится на грани катастрофы. То, что я сегодня буду говорить вам, мы пишем в наших документах Президенту и не скрываем существа проблем, которые мы охватываем и которые изучаем. Общество охвачено острым кризисом, угрожающим жизненно важным интересам народа, неотъемлемым

правам всех граждан СССР, самым основам Советского государства. Если в самое ближайшее время не удастся остановить крайне опасные разрушительные процессы, то наши самые худшие опасения станут реальностью.

Не только изъяны прошлого и просчеты последних лет привели к такому положению дел. Главная причина нынешней критической ситуации кроется в целенаправленных, последовательных действиях антигосударственных, сепаратистских и других экстремистских сил, развернувших непримиримую борьбу за власть в стране. Откровенно игнорируя общенациональные интересы, попирая Конституцию и законы Союза ССР, эти силы открыто взяли курс на захват власти в стране.

Пока мы рассуждаем об общечеловеческих ценностях, демократических процессах, гуманизме, страну захлестнула волна кровавых межнациональных конфликтов. Миллионы наших сограждан подвергаются моральному и физическому террору. И ведь находятся люди, внушающие обществу мысли, что это нормальное явление, а процессы развала государства – это благо и созидание.

Резко усилились процессы дезинтеграции экономики, рушатся складывавшиеся десятилетиями хозяйственные связи. Тяжелейший ущерб нанесли народному хозяйству забастовки. Крайне напряженная обстановка сложилась в сельском хозяйстве...

Все более угрожающие масштабы приобретает преступ-

ность, в том числе организованная. Она буквально на глазах политизируется и уже непосредственно подрывает безопасность граждан и общества. Недовольство народных масс ситуацией в стране находится на критическом уровне, за которым возможен небывалый по своим разрушительным последствиям социальный взрыв...

В период, когда органы исполнительной власти должны действовать особенно энергично и эффективно, не допуская возникновения всеобщего хаоса и анархии, их работу всячески пытаются блокировать, мешают поддерживать конституционный порядок и стабильность в стране. Проявление терпимости, гибкости, стремление решать возникающие проблемы политическими средствами понятны и во многом оправданны. Однако есть пределы, за которыми просто необходимо и власть употребить. Нужны настойчивость и решительность в главном – в защите Конституции СССР, кстати, никем не отмененной, в выполнении воли народа, ясно выраженной на Всесоюзном референдуме о сохранении Союза ССР, обеспечении прав и законных интересов граждан.

Общественно-политический строй, основы государственного уклада – это те вопросы, которые не могут решаться ни руководителями любого уровня, ни какой-либо партией, ни даже парламентом. Это исключительно прерогатива народа...

Совершенно очевидно, что одобренный Съездом народ-

ных депутатов и Верховным Советом СССР комплекс мер по выводу страны из кризиса и мероприятия, намеченные на встрече Президента с руководителями девяти республик, фактически не выполняются.

В то же время во всех слоях общества нарастают требования навести порядок именно сегодня, когда дело не дошло до самого худшего. Обстоятельства таковы, что без действий чрезвычайного характера обойтись уже просто невозможно. Не видеть этого равносильно самообману, бездействовать – значит взять на себя тяжелую ответственность за трагические, поистине непредсказуемые последствия.

Уважаемые товарищи депутаты! В ваших руках находится судьба народов нашей огромной страны, Советского государства, от вашей мудрости и решительности зависит – быть или не быть великой державе, сумеем ли мы сегодня остановиться на краю пропасти. Обстановка, видимо, сегодня такова, что требует от всех нас отрешиться от личного, придать должное общегосударственному, и прежде всего – борьбе за сохранение Союза. Все остальное, мне думается, должно быть подчинено этому...»³.

Сегодня, с высоты истекшей почти четверти столетия богатой на самые разнообразные события российской современности, скажите, положив руку на сердце: разве в своем анализе, в своих выводах советские чекисты были тогда не правы? Разве все дальнейшие события не произошли имен-

³ Крючков В. На краю пропасти. М.: Эксмо; Алгоритм-книга, 2003. С. 401–407.

но по тому сценарию, от которого они безуспешно предостерегали депутатов и общество?

Почему безуспешно? Да хотя бы потому, что настоящими, а не мнимыми государственниками, истинными патриотами своей Родины оказались очень немногие депутаты. И первый среди них – простой таксист из Харькова Л. Сухов, который по рабоче-крестьянски, откровенно и без экивоков заявил на заседании: «Я взял бы сегодня на вооружение самый главный лозунг: “Долой Горбачева и мафиозную группу, которая окружает его...”» Сегодня власти в стране нет... Вы же помните слова Председателя КГБ о том, что, если не будет чрезвычайных мер, страна погибнет. Страна уже гибнет. И смешно рассуждать о том, что Кабинет Министров может узурпировать власть. В этой ситуации нужны решения...»

А вот решений-то и не последовало! Что нам оставалось делать? Разве только искать поддержки в обществе. Очень жаль, что сделали мы тогда далеко не все, а кое-что – и вовсе не так, как это следовало бы сделать.

Разве у КГБ не было возможности придать широкой гласности все, без каких-либо купюр выступления на закрытом заседании Верховного Совета СССР, честно и правдиво отобразить хоть в советской, хоть в зарубежной прессе все без исключения оттенки развернувшейся дискуссии, разве ЦК КПСС не мог оперативно довести хотя бы по закрытым партийным каналам эту информацию для 19 миллионов ком-

мунистов?

Да запросто! Только Горбач в очередной раз партийной элите голову замутил, как, впрочем, и на последнем в истории КПСС июньском Пленуме ЦК. А для выступавших на заседании ВС Павлова, Язова, Пуго и Крючкова это событие стало в глазах Горбачева решающим поводом для вынесения политического приговора, он их окончательно списал в свой номенклатурный архив...

Вот что мною говорилось в интервью «Правде России» под названием «Закрытое заседание. Рассказывает бывший начальник секретариата КГБ СССР Валентин Сидак» ровно через десятилетие после этого события.

«Среди июньских событий десятилетней давности и тогда, и сейчас привлекает наибольшее внимание закрытое заседание Верховного Совета СССР, на котором выступали председатель Кабинета министров СССР В. С. Павлов, председатель КГБ В. А. Крючков, министр внутренних дел страны Б. К. Пуго, министр обороны Маршал Советского Союза В. Т. Язов. С просьбой рассказать о том шумном событии я обратился к его очевидцу.

– Валентин Антонович, для начала я просил бы представиться читателям в той должности, которую вы занимали десять лет назад.

– 10 лет назад я работал начальником секретариата КГБ СССР. Это был своего рода штаб, поскольку другого штабного органа у КГБ не было. Одновременно секретариат вы-

полнял функции и общего отдела, и управления делами, и юридического отдела...

– На том знаменитом и до сих пор закрытом заседании Верховного Совета вам довелось присутствовать. Расскажите, пожалуйста, как оно проходило, какие проблемы поднимались, что стало поводом для этого действительно нерядового события?

– Это событие действительно имело большое политическое звучание. Замечу, что в печати то заседание, несмотря на его закрытый характер, освещено весьма полно и точно. Для внимательного читателя нетрудно составить представление, о чем и как шел разговор и что предопределило его остроту, какие вопросы поднимали премьер-министр и, как теперь модно называть, силовые министры. Я могу подробнее рассказать только о выступлении В. А. Крючкова.

Оно спонтанным не было. В его основе лежали наработки наших аналитиков, которые они готовили примерно полгода. Замечу, что первоначально задумывалось выступление председателя КГБ еще на IV съезде народных депутатов в декабре 1990 года. Для него и собирались материалы. К сожалению, тогда оно не состоялось. Правда, еще до июньского выступления В. А. Крючкова некоторые аналитические материалы КГБ были востребованы политикой на знаменитом апрельском Пленуме ЦК КПСС.

– Знаменитом тем, что он попытался освободить Горбачева от обязанностей генсека. В чем состояла сущность тех ма-

териалов, которые легли в основу выступления председателя КГБ на закрытом заседании Верховного Совета 17 июня?

– Последовательные попытки органов, отвечавших за безопасность государства, привлечь внимание политического руководства страны к складывавшейся очень тревожной ситуации не встречали поддержки. Более того, они блокировались Горбачевым. А КГБ к тому времени, после внесения изменений в Конституцию, был замкнут непосредственно на президента.

Как непосредственный очевидец могу утверждать, что, по крайней мере с начала 1991 года, все документы, которые Комитетом направлялись Горбачеву, возвращались обратно фактически без реакции. На второстепенных документах имелись пометки: «Тов. Горбачеву доложено. Согласие получено». На неотложных, касавшихся дестабилизации социально-политической обстановки в стране, не имелось и этого. А ведь сообщалось и о назревании межнациональных конфликтов, и о дестабилизации обстановки в стране, об экономических диверсиях.

В этой ситуации понятно стремление председателя КГБ донести до депутатов информацию об истинном положении в стране. Оно и составляло суть выступления Владимира Александровича. Кстати, Крючков долго корил себя за то, что не добился тогда его официальной публикации. Инициатива сделать то заседание закрытым исходила совсем не от выступавших.

– Вы упомянули экономические диверсии. В чем реально они проявлялись?

– Прежде всего в создании дефицита товаров повседневного потребления. В том числе по той номенклатуре товаров, по которой он ну никак не мог быть. Все помнят дефицит стиральных порошков. Действительно, в тот период шло переоснащение химпредприятий, государством было закуплено много нового оборудования. Но вся потребность в порошке была с запасом перекрыта. И отечественной продукцией, и импортом. Когда потом мы начали проверять, обнаружили заторы на оптовых базах, на крупных складах. Сбои списывали на нераспорядительность чиновников, но ясно, что присутствовал и корыстный интерес. Теневая экономика уже набрала силу.

Второй пример экономической диверсии приводил в выступлении 17 июня В. С. Павлов. По линии КГБ и из других источников были получены достоверные сведения, что против государства разрабатывались широкомасштабные финансовые аферы. Одна из них широко известна – так называемое «дело Фильшина». Угроза валютно-финансовой провокации была очень серьезной. И КГБ, и Госбанк, и другие ведомства заметили, что из оборота вымываются самые крупные купюры. Случись одномоментное предъявление их – напомним, банкноты были обеспечены золотом, а казначейские билеты – всем достоянием государства, – это могло создать очень серьезный кризис.

– Вернемся к выступлению Крючкова. Оно привлекло внимание не только постановкой серьезных проблем, но и деталями.

– Это выступление вспоминают прежде всего из-за того, что в нем было запущено в оборот словосочетание «агенты влияния». Здесь есть интересная предыстория. Ведь, говоря об агентах влияния, Крючков процитировал реальный документ, который за подписью Андропова пошел в свое время в ЦК КПСС. А в основе того, что было направлено в Центральный Комитет, лежал другой подлинный документ, добытый нашей разведкой. Внимание он привлек к себе тем, что был получен по каналам внешней контрразведки, которую возглавлял небезызвестный Калугин. На нем была его виза. Дело в том, что к этому времени Калугин уже был в поле зрения служб безопасности, для чего были очень веские причины.

Найденный среди записок Службы внешней контрразведки документ привлек внимание необычностью и был показан председателю. Тот дал указание выяснить, не нанесет ли ущерба его обнародование оперативным, политическим и иным интересам. После проверки оказалось, что источнику информации уже ничего не грозит, и Крючков решил процитировать его депутатам. Конечно, это произвело эффект разорвавшейся бомбы. Те, кто с тревогой воспринимал ситуацию в стране, увидели серьезное подтверждение своего беспокойства, а наши оппоненты попытались представить дело

так, будто началась очередная охота за ведьмами.

– Шуму наделало и то, что этот документ воспринимался как проецирование на конкретных широко известных людей.

– В самом документе имен нет. Он примечателен тем, что представлял собой инструкцию, как и среди кого формировать агентов влияния и какая роль им отводится в советском обществе.

– Валентин Антонович, чем вы объясняете, что пространством для крика души силовиков стал Верховный Совет СССР?

– Это была высшая государственная власть. Руководство КГБ уделяло работе с депутатами очень большое внимание. Это были уважительные беседы, объективное разъяснение ситуации, знакомство в допустимых пределах с документами, которые у нас были. Ни одно обращение депутата в Комитет независимо от повода и содержания не оставалось без внимания.

– Можно ли связывать выступление четырех руководителей государства с их стремлением спасти ситуацию в стране с помощью чрезвычайного положения?

– 17 июня никакого разговора на эту тему с депутатами не велось. Внутри же КГБ разговоры о необходимости чрезвычайного положения начались в декабре 1990 года. Частично они были реализованы: чрезвычайное положение было введено, например, в Цхинвали. Но никаких намерений нару-

шать Конституцию ни у руководства Комитета, ни в других силовых ведомствах не было. Выступления Павлова и министров в Верховном Совете 17 июня были взвешенными и конструктивными. Хотя правые силы уже тогда стремились обвинить их в нагнетании обстановки и навязывании чрезвычайщины. Чаще всех тогда обвиняли Павлова, предлагавшего конкретные меры по улучшению оперативного управления страной, в том числе возвращение правительству права законодательной инициативы и т. п.

Ни одного концептуального вопроса правительство, став в декабре 1990 года Кабинетом министров при президенте, без Горбачева не могло принять. А Горбачев бездействовал. Или делал шаги, не совместимые с государственными интересами. Чего стоит только его беседа с госсекретарем США Бейкером! Если бы она была опубликована, сразу бы стало ясно, кто сдавал страну и какой циничный торг при этом шел.

– Можно ли рассматривать итоги закрытого заседания как поражение тех политиков, которые были озабочены сохранением СССР и социалистической системы?

– Считаю, что немалая доля вины во всей трагедии страны лежит и на депутатах. Напомню, что руководство Верховного Совета, в частности Лаптев, не хотело давать на заседании слова главе правительства и ведущим министрам. Потом не хотели предоставлять им возможности ответить на вопросы.

Горбачев в тот день вел себя безобразно. Сначала он де-

монстративно не явился на ту часть заседания, на которой выступал премьер и министры. Хотя многие депутаты требовали его присутствия. Потом, придя в зал заседаний, он отговаривался, будто бы поручил Павлову это выступление. Тем не менее, как я знаю со слов Крючкова, он был очень недоволен всеми выступлениями. Он и на заседании открыто начал обвинять – сумбурно, с эмоциями, бессвязно, срываясь на крик, – депутатскую группу «Союз», последовательно выступавшую за сохранение СССР, в том, что она якобы дестабилизирует обстановку. Обвинения этих настоящих патриотов были абсолютно несправедливыми. Они наиболее последовательно стремились реализовать народную волю, выраженную на референдуме 17 марта 1991 года. Если бы все депутаты так себя вели...

Многие депутаты больше интересовались не судьбой страны, а собственной судьбой после подписания Союзного договора. Кстати, его текст в основных чертах ко времени того закрытого заседания депутатам уже был известен. Августовские дополнения к нему мало что меняли, по сути.

Считаю, что депутаты ответственны и за результат августовских событий. Они должны были – и не только Верховный Совет, а весь Съезд народных депутатов – собраться и не допускать развала страны. А потом, когда их собрал уже Ельцин, большинство вело себя, как... нашкодившие коты. С этой точки зрения июньская попытка руководителей правительства достучаться до депутатов оказалась безуспешной.

– Большое спасибо, Валентин Антонович, за интереснейшую беседу.

Беседу вел Виктор Трушков»⁴.

Одним из элементов формирования в стране активного общественного мнения стало ныне знаменитое «Слово к народу». Автором самой идеи был кто-то из видных писателей страны – то ли Ю. Бондарев, то ли В. Распутин, сейчас уже не помню точно. Однако «болванку» для текста этого обращения на основе все тех же вышеупомянутых набросков составил один из руководителей Аналитического управления КГБ СССР. Именно поэтому оно и текстуально, и по смыслу было очень сходным с опубликованным позднее обращением ГКЧП к советскому народу. Этот же работник был командирован от ведомства в состав рабочей группы, заседавшей, насколько мне помнится, в помещениях редакции газеты «День» на Цветном бульваре.

Надо откровенно признать, что работа над этим обращением, прежде всего с точки зрения подбора будущего состава его подписантов, шла туговато, многие авторитетные представители творческой и научной интеллигенции, к которым инициаторы обратились за содействием, отказались его поддержать. Поэтому пришлось довольствоваться тем разншерстным составом, который в конечном итоге удалось согласовать в условиях дефицита времени, и он, к сожалению,

⁴ Хроника развала. Закрытое заседание // Правда России. 2001. 27 июня – 3 июля. № 24 (305). С. 3.

оказался далеко не самым оптимальным. Чего стоило, к примеру, объединение в списке подписантов от военных таких совершенно разноплановых в политическом смысле фигур, как Варенников, Макашов и Громов...

Окончательная редакция текста обращения с последними правками пошла прямо с моего стола после доклада Председателю КГБ сразу в типографии, и не только редакции газеты «Советская Россия», – на опубликование.

Так что могу теперь сказать прямо и недвусмысленно: истинным вдохновителем и фактическим автором обращения «Слово к народу» было высшее руководство КГБ СССР, прежде всего – В. А. Крючков с его излюбленным, очень характерным словечком «борение», а отнюдь не те лица, которые сегодня ставят себе это в заслугу. Честь им и хвала за поддержку самой идеи публичного обращения к народу, но их творческая и организационная активность в тот период отнюдь не являлась «спонтанным творчеством масс».

Именно в этой смысловой недосказанности как открытых, так и закулисных действий КГБ СССР, в отсутствии целеустремленности предпринимавшихся ведомством попыток расставить, наконец, все политические точки над «i» и «ё» и громогласно сказать народу: «Мы лучше, чем кто-либо другой в стране, знаем, ощущаем и понимаем, что ожидает государство уже в ближайшем будущем, и поэтому готовы взять на себя ответственность за отвод Советского Союза от края пропасти», и заключался ключевой элемент того внут-

ренного раздрая, сумятицы и неразберихи, которые последовали практически одновременно с началом знаменитой телевизионной трансляции балета «Лебединое озеро».

Если бы все главные руководители страны – как вошедшие, так и не вошедшие в состав ГКЧП – действительно захотели бы играть свои государственные и партийные роли не по кривому сценарию Горби, с потрохами сдавшего СССР во время своей конфиденциальной встречи с госсекретарем США Дж. Бейкером в конце июня 1991 года, а по своему прямому служебному долгу, по зову своей гражданской и партийной совести, в строгом соответствии с принятой на себя воинской присягой – результат был бы совсем другим!

Дурил союзный президент, выжидал, вилял своим патлатым хвостом, как обычно – вправо-влево-взад-вперед, все норовил каштаны из огня тягать чужими руками, чтобы покрепче своего основного политического противника Б. Н. Ельцина прищучить – ну, и хрен с ним, можно было бы обойтись и без его непосредственного участия. Пусть сидел бы себе в Форосе вместе с «первой леди», ближним кругом соратников и преданных домочадцев, грел и дальше свое пузо на солнышке, ждал у моря политической погоды и дождался бы, наконец-то, исторической клизмы с патефонными иглами в известное место на радость подавляющему большинству населения страны...

К этому времени в активе у патриотов и защитников Отечества наличествовал даже такой немаловажный фактор, как

фактическое благословение Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на принятие решительных действий по сохранению единства и целостности державы. Его глубокое по своему гражданскому и духовному смыслу послание, помещенное в папку из характерного, запоминающегося бархата фиолетового цвета, переданное руководству КГБ СССР через первого заместителя Председателя КГБ Г. Е. Агеева, встречавшегося и беседовавшего с Патриархом в июне или июле 1991 года, и патриарший подарок – статуэтка памятника Крещения Руси на Владимирской горке в Киеве – хранились в моем служебном сейфе вплоть до трагических событий августа 1991 года.

Однако при любом реально возможном варианте развития событий обойтись без постановления Верховного Совета СССР, одобряющего или дезавуирующего решения ГКЧП по введению чрезвычайного положения в отдельных районах страны, по закону уже решительно было бы невозможным! И тут уж следовало поступать по образцу конклава кардиналов – заперлись все прибывшие парламентарии, скажем, в том же зале Пленумов ЦК КПСС, и ожидайте, люди добрые, пока белый дым из трубы не пойдет!

И пусть при этом вся эта разношерстная депутатская публика хоть обожрется до уср...ки знаменитыми мини-пирожками из кремлевского спецбуфета, прочей бутербродно-шашлычной снедью за счет государства, пусть все эти трепливые цицероны мценского уезда повально охрипнут в

ходе пламенных дискуссий с неперменным взаимным мордобитием, но какое-то решение по результатам обсуждения ситуации должно было быть принято непременно – либо положительное, либо отрицательное.

Какое – это уже было не столь важным в сравнении с полной неопределенностью, разбродом и шатанием, с извечными попытками хитрож...й околосмолевской братии спрятаться в решающий момент за спинами президентов и спикеров, сохранить свою драгоценную номенклатурную шкуру при любом сценарии развития политических событий в стране. Эту многочисленную публику можно было разглядеть и без помощи микроскопа или телескопа: как только объявляют голосование в Верховном Совете СССР, на Съезде народных депутатов или на том же Пленуме ЦК КПСС по остроуму, принципиальному вопросу – они тут же срочно бегут в туалет ручонки помыть!

В апреле 1991 года во время памятного всем коммунистам Пленума ЦК КПСС мне довелось весь день бездарно проторчать в кабинете очень уважаемого мною Ю. С. Плеханова, добрая ему память. Мы сидели, потребляли в огромных количествах эти пресловутые мини-пирожки, прошедшие строжайший химический и биологический анализ в лабораториях 9-го Управления КГБ и слушали весь ход дискуссии по огромному приемнику, сооруженному, наверно, еще умельцами из бериевских шаражек – слышимость, кстати, была превосходной!

Иногда к нашему бутербродно-сигаретному сообществу (я тогда еще курил, а Юрий Сергеевич вообще был супер-заядлым курильщиком, курил по две пачки в день, потреблял исключительно марки «Кент») присоединялся Управляющий делами ЦК КПСС Н. П. Кручина. Он тоже был настроен по отношению к политике Горбачева достаточно сдержанно и даже критично, но высказывался всегда предельно осторожно, все больше «на полутонах» и репликах «из-за кулис».

Кстати, после этого бестолкового «сидения в Кремле» В. А. Крючков дал соответствующее распоряжение, и техническая трансляция видео- и звукового сигнала открытых парламентских обсуждений впредь стала поступать из кремлевских залов заседаний непосредственно в кабинет Председателя КГБ, а также в мой служебный кабинет на Лубянке.

Так вот, я тогда своими глазами наблюдал «во время перекура» в коридоре зала Пленумов ЦК очень впечатляющую картину, когда судорожно метались из угла в угол после публично заявленного М. С. Горбачевым желания уйти с поста генсека А. Вольский, Г. Шахназаров, А. Медведев и ряд других его сторонников. Видел, как они тут же, буквально на коленках, наладили сбор подписей под ими же смастыренным обращением к Горбачеву с призывом типа «Не уходи, отец родной!». Да и В. А. Крючков, к слову сказать, тоже оказался не на высоте политического момента — вместо активной «работы в массах» взял да и повел Горбачева в кабинет «Чивасом» отпаивать, моральный стресс генсеку снимать...

Вернемся, однако, в начало октября 1993 года и вспомним, существовала ли альтернатива хотя и чрезвычайно напряженному по своему эмоциональному накалу, но все же относительно мирному развитию диалога между двумя противоборствующими группировками, открыто рвавшимися к обладанию всей полнотой ничем не ограниченной власти в стране.

Вне сомнения, существовала, и сегодня об этом хорошо известно. Здесь и недвусмысленная позиция Конституционного суда во главе с В. И. Зорькиным, и многочисленные попытки выработки какого-то «нулевого», компромиссного, устраивавшего всех варианта, и очень серьезные посреднические усилия церкви во главе с Патриархом Московским и всея Руси Алексием II, и открытое нежелание значительной части силовиков, прежде всего военнослужащих Вооруженных Сил, открыто становиться на позиции одной из сторон в набирающем стремительные обороты конфликте внутри правящей верхушки.

Однако события пошли по далеко не лучшему сценарию, и существенную, а может, и определяющую роль в этом сыграли средства массовой информации, особенно наши славные электронные СМИ, которые со времен перестройки начали уже не образно, а очень даже открыто, предметно и достаточно громогласно выдвигать свои претензии на звание «четвертая ветвь власти».

Хотя, по моему разумению, они были лишь «фомкой»

в руках деструктивных сил, стоявших позади многих процессов и событий в стране.

А их многие не в меру самонадеянные работники с потрясающим успехом выполняли функции жриц древнейшей профессии (они же лица с пониженным статусом социальной ответственности в трактовке некоторых современных политиков). И если судить по их поведению в последующие годы, получали от этого весьма распространенного житейского занятия не только кратковременный веселящий кайф, но и подлинное наслаждение, сходное с оргазмом по глубине переполнявших их ощущений собственного величия и собственной значимости...

Вот с роли и места печатных и электронных СМИ, пожалуй, и начнем цикл повествований из серии современных политических детективов под общим смысловым заголовком «Очевидное – невероятное»...

Узелок первый

Припоминаются в связи с событиями сентября-октября 1993 года два любопытных «фактика», которые я наблюдал по российскому телевидению на пике кризиса, как говорят в таких случаях, «собственными глазами», а не по свидетельствам очевидцев. Благо, у 46-летнего военного пенсионера, каким я стал после августа 1991 года, свободного времени было хоть отбавляй, только и знай, что телевизор смотри, радио слушай да книги-газеты перелистывай...

В дни, когда развитие событий достигло своей кульминации, т. е. вечером 1 или 2 октября 1993 года, сразу на двух каналах центрального телевидения – первом и втором – промелькнули загадочные кадры. Промелькнули лишь однажды и напрочь исчезли, хотя, помнится, вечерние информационные новости из Москвы шли тогда в повторах утром следующего дня во время спутниковых телепередач на сибирские и дальневосточные регионы России.

В первом случае речь шла о заставке передачи информационных новостей телепрограммы РТР. Вот как ее красочно, захлеб описывает русскоязычная «Википедия»:

«С 13 мая 1991 по 3 апреля 1994 года заставка состояла из следующего: по звёздному небу пролетает название вещателя программы – “Всероссийская телерадиокомпания”, в кадре, из разных его концов, стремясь соединиться в единое це-

лое, появляются белая плашка, олицетворяющая чистоту и непредвзятость фона вещания новостей, и “земной шар” – носитель этих новостей, которые, сливаясь, рожают на глазах у зрителей логотип в форме аббревиатуры “СН”, означающей производителя программы – “Службу новостей”.

Освобождая пространство информации, логотип переходит в правый верхний угол экрана, и на экране появляется “Птица тройка”, которая, сбрасывая с себя “цепи и оцепенение”, смело кидается в свой, ставший извечным, новостной полёт...

Логотип возвращается, проявляя для зрителей непосредственное название программы – “Вести”. В 1993 году, с появлением постоянного логотипа, в заставке в нижнем правом углу размещался логотип спонсора»⁵.

Образно, как-то истинно по-русски, просто былинно описано, не правда ли?

А вот что пишут по этому поводу в той же «...педии» восторженные писак демократического разлива: «Постановление Президиума Верховного Совета РФ о создании ВГТРК было принято в июле 1990 года. Оформление было закончено в конце ноября, но выходы в эфир неоднократно откладывались, и лишь 13 мая 1991 года телезрители увидели первый выпуск информационной программы “Вести”, вышедшей в эфир на новом телеканале РТР.

За прошедшее с тех пор время обосновавшийся на “вто-

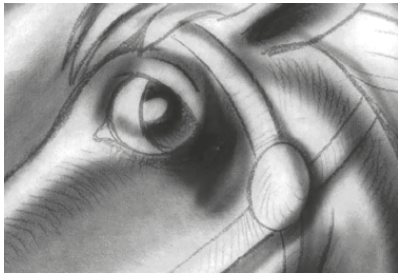
⁵ Вести (программа) // <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/396450>

рой кнопке” канал менял свое название, сетку и стиль вещания. Однако все эти годы именно стремительная “птица-тройка”, с полета которой начинаются все выпуски “Вестей”, оставалась символом оперативности и достоверности информации»⁶.

Вот так вот – ни больше, ни меньше. «Символ», да еще и «достоверности». Скорее, модный «бренд» (а может быть, «брэнд», выражаясь современным языком биржевых маклеров, танцевальных ди-джеев и скаковых жучков), графическое отражение «чистоты и неподкупности» родимых отечественных СМИ, имеющих отчетливый налет бульварной желтизны. Как и на этом изображении...

Вглядитесь повнимательнее в эту конягу с очевидными признаками душевного нездоровья. Лично мне при взгляде на нее сразу припоминаются песенные сновидения М. Боярского и его знаменитый «рыжий конь», который «косит лиловым глазом», но отнюдь не мифические «цепи и оцепенение».

⁶ <http://www.theempire.ru/autor.html>

Так вот, в тогдашней заставке РТР тройка или четверка вот таких же рыжих, с легким оттенком придури битюгов под бравурную музыку стремительно несла за собой не то квадригу, не то телегу, по-видимому долженствующую символизировать собой современную Россию, погрязшую в беспробудном пьянстве в сонном царстве клинических дурней и отвратительных дорог. Примерно как на этой заставке.

В тот памятный день сей загадочный кабриолет почему-то внезапно наскочил на неизвестно откуда взявшийся на пути камень и при этом лихо подпрыгнул «а'ля махновско-буденовская тачанка». Но, слава богу, не опрокинулся и благополучно унесся себе восвояси.

Далее диктор С. Сорокина плаксивой скороговоркой, почему-то очень характерной почти для всех зомбоящичных героев того периода, стала привычно нагнетать атмосферу вокруг белодомовских событий истекшего дня. Ну и etc., в духе дежурного, ставшего привычным алармистского репертуара «либерального СМИ» под уже фактически сформиро-

вавшимися к тому времени лозунгом демократов, вербализированным вскоре устами актрисы Л. Ахеджаковой в форме пламенного революционного призыва «Раздави гадину!».

В утреннем повторе на регионы этого кадра «хмельной тачанки батьки Ангела» уже не было и в помине.

Кстати, почему-то именно вокруг телевизионного изображения скачущего табуна кубанских, как утверждают телевизионные знатоки, меринов разыгралась целая драма с комедией вперемежку. Воспроизвожу эту забавную историю в сокращенном виде по публикации во все той же вездесущей «Википедии».

«Самих лошадей, которые использовались в заставке и уже десятилетия сопровождают канал РТР, придумал и сделал вместе со своим братом Владленом Барбэ художник, режиссёр и продюсер (сделавший в дальнейшем шесть подряд

вариантов оформления программ “Время” и “Новости” Первого канала, все ролики второго тура президентской кампании Б. Н. Ельцина, “Сказки Новой России” и многое другое) Игорь Барбэ, а не Олег Попцов, который много лет пытался утверждать обратное.

Интересна история этого оформления, против которого рьяно выступил тогда Олег Добродеев. Она был впервые артикулирована в “Открытом письме И. Барбэ Президенту Российской Федерации Д. А. Медведеву и Председателю Правительства РФ В. В. Путину” и повлияла на решение Добродеева уйти из “Вестей” уже через три с небольшим месяца после открытия программы.

В феврале 2000 года Добродеев возвращается на РТР и уже летом выходит в эфир единственная за всю историю программы заставка без лошадей...

Однако очевидный плюс их многолетнего использования и авторитет людей, обративших внимание на исчезновение “Птицы тройки” из эфира, заставляют Олега Добродеева менее чем через год вернуть их образ в эфир канала РТР»⁷.

Спрашивается, что это за таинственные чудо-лошадки, без которых основной телевизионный канал страны до сих пор ни дня прожить не может? И кем же тогда был тот зловредный супостат, который подложил увесистый булыжник на пути «птицы-тройки, символизирующей Россию» и при этом чуть не опрокинул ее в кювет? Может быть, сам автор

⁷ Телепедия // <http://ru.tvpedia.wikia.com/>

этой придумки, раз уж он с таким надрывом вопит на всю страну и рьяно бьет себя в грудь по сему ничтожному поводу⁸? Я так не думаю. Да и не по силам обычному художнику было шутить столь изрядно, по меньшей мере, на всю Центральную Россию.

Скорее, этот анонимный телевизионный шутник больше похож на покойного Б. Березовского, фактического владельца данного телеканала в 1993 году. Да и А. Н. Яковлев, оказывается, тоже был причастен к работе российского радио и телевидения, успешно совмещая в тот период должность председателя Комиссии при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий с руководством Федеральной службы по телевидению и радиовещанию и Государственной телерадиокомпании «Останкино»⁹.

Так или иначе, но вопрос остается открытым: «Зачем и с какой целью поместили увесистую каменюгу (или соорудили иной ухаб) на пути “птицы-тройки” – неформального символа Российской державы, причем сделали это буквально за день до начала кровавых событий в стране?» Что это за таинственный приказ «К бою!» в телевизионном эфире?

Второй забавный эпизод эпохи ползучего перерастания мирной фазы конфликта правящих властей в откровенный политический мордобой был связан с достаточно распространенной в тот период практикой размещения в углу теле-

⁸ <http://bigarms.ru/>

⁹ <http://www.sovross.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=599241>

визионного кадра товарного знака фирмы, рекламирующей себя любимую и свою гнилую продукцию. При этом на экране в унисон с изображением логотипа этой компании обычно шла какая-нибудь жуликоватая текстовка (подпевка, подтанцовка и прочая завлекуха) типа: «Даёшь МММ!», «Хопёр инвест» – отличная компания!», «Купи себе немного «Олби»!» или что-либо подобное в том же духе.

Так вот, 1 или 2 октября 2013 года вечером в прайм-тайм на телеэкранах теперь уже первого канала как-то обыденно, ненавязчиво, без лишнего шума и пыли дважды появился значок неизвестной дотеле рекламной фирмы «NFQ» (в утреннем повторе его также не было). Никаких при этом восклицаний, призывов, лозунгов, никаких МММ, Хопров и Олби. Вот как выглядит логотип фирмы NFQ, всего лишь дважды появившийся на вечернем телеэкране без каких-либо вводных и комментариев. В тот день он, правда, был не голубеньким, а черным или коричневым. Появился этот значок на широкой публике всего лишь на один вечер, чтобы затем надолго исчезнуть и гордо воскреснуть уже в начале нового столетия на рекламной растяжке на Тверской улице, под самым носом у мэрии города Москвы.

«Вновь обретенное качество – New Founded Quality», как объясняет смысл загадочного логотипа один из основателей агентства Максим Блох. Или «Новый взгляд на качество», как льстиво-изящно выражались в заказных статьях щедро проплаченные журналоги. Знатоки английского языка, вы-

бирайте вариант по душе – все равно он будет неточным и неверным...

По некоторым данным, рекламная фирма NFQ являлась одной из структур разветвленной информационной империи Б. А. Березовского. Во всяком случае, несколько позднее в ее головном офисе проводился обыск в связи с началом расследования по делу «Андава-Аэрофлот» и прочим шалостям покойного олигарха. Вот что писала тогда газета «Коммерсантъ» в статье под названием «Рекламная пауза в деле Березовского»:

«Вчера генпрокуратура нанесла очередной удар по империи Бориса Березовского. Оперативно-следственная бригада провела обыски в офисе рекламно-издательской группы NFQ, издающей журнал “Аэрофлот”. Официальной целью

визита была финансовая проверка одной из рекламных кампаний, выполненных NFQ по заказу “Аэрофлота”. Тем не менее интерес правоохранительных органов к группе можно объяснить тем, что она входит в число структур, подконтрольных Борису Березовскому. Вместе со спецназом и сотрудниками генпрокуратуры в офисе NFQ побывали Олег Кутасов и Сергей Дюпин.

В 10 утра в подъезд четырехэтажного здания (ул. Дмитрия Ульянова, 19), где среди множества коммерческих фирм и организаций находится офис NFQ, ворвалась группа автоматчиков в камуфляже, а вслед за ними вошли четверо в штатском. Предъявив перепуганной вахтерше удостоверение сотрудника генпрокуратуры, один из них поинтересовался: “Где здесь NFQ?”

Поднявшись на четвертый этаж, бойцы “Альфы” блокировали правое крыло здания, которое занимает рекламная группа. Следователи попросили всех сотрудников (а их было около ста человек) взять стулья и выйти в коридор. Сидеть в коридоре пришлось довольно долго, почти до четырех часов. На это время всем запретили пользоваться телефонами. Впрочем, одна из секретарей успела позвонить домой руководителю отдела по связям с общественностью NFQ Игорю Малову, который, в свою очередь, оповестил о случившемся СМИ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.